Владимир Маяковский

Маяковский. 7 июля 2013 года ему исполнилось бы 120 лет. Девяностолетие Маяковского в 1983 году отмечалось у нас очень широко. Поэт-трибун, революцией мобилизованный и призванный, официально провозглашённый первым поэтом Советского Союза. Классик, прочно вписанный в школьную программу: «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо», «Прозаседавшиеся»… Малопонятные лесенки стихов, по которым не одно поколение школяров, пыхтя, забиралось на две-три ступени, чтобы, скатившись с них, никогда к ним не возвращаться. Что же меня-то зацепило тогда? Кажется, «Хорошее отношение к лошадям». Такая жалость к замученной зверюге, и почему-то, к автору, который тоже немножечко лошадь. Как хорошо, что у Маяковского лошадь «ржанула и пошла», стала в стойло, и была весёлая. (Очень не люблю, когда из самых гуманных соображений писатели топят, душат, режут ни в чём не повинных зверюшек). А ещё мне нравилось скандировать «Левый марш». Я понятия не имела, о чём в нём говорится, просто так здорово было выкрикивать: «Ра-зво-ра-чи-вай-ся в ма-рше, фла-га-ми не-бо за-кле-и-вай!»

А потом мне попалась книжка Павла Лавута «Маяковский едет по России». Я узнала, что этот большой человек вовсе не был железобетонным монументом в честь Великого Октября. Маяковский был живой, часто наивный и трогательный человек со своими слабостями, причудами, ошибками. Он был болезненно чистоплотен и брезглив, одна ростовская история чего стоит, когда, узнав, что в этом городе где-то пересеклись канализация и водопровод, Маяковский и умывался нарзаном, и кипятил чай исключительно из нарзана. Его письма к матери – образец почтительной нежности: только на Вы, только «мамочка». А ещё он любил собак. Всяких, и ту, что «сплошная плешь», и собаку Щеника, и того безымянного щенка, который, «омочив слезами садик, сел на битый задик». Мне очень понравилось, что Маяковский не просто живописал душераздирающие картины страданий братьев наших меньших, а вмешивался и помогал: кормил, защищал, спасал. А ещё Маяковский замечательно рисовал.

Потом пришло время стихов, лирики Маяковского. «Багровый и белый отброшен и скомкан, в зелёный бросали

горстями дукаты…» Образ Петербурга набросан яркими цветовыми пятнами, из которых возникает образ азартного игрока. Чем играет этот город? Картами? Людьми? Потрясло фантастическое одиночество Маяковского в этом городе, в этом мире. Люди «ничего не понимают». Он говорил о себе – «На мне с ума сошла анатомия, сплошное сердце гудит повсеместно». Непомерность его чувств и мучительная невозможность разделить их с кем-либо. Кто ж из земных людей способен вместить ЭТО? Словом, Маяковский для меня перестал быть поэтом-трибуном, или, как часто ошибаются школьники, трибуналом (бррр), став тем, кем является на самом деле – прекрасным и трагическим русским поэтом.

Тициан Табидзе говорил: «Маяковский обязан природе Имеретии. Темперамент Маяковского подобен темпераменту имеретина», Имеретия, сердце Грузии. Горы, ущелья, таинственные базилики, тишина, и рядом – небо. И под этим небом – маленький мальчик. Наверное, именно отсюда у Маяковского такая манера обращаться к небу: «Эй вы, небо, снимите шляпу! Я иду!»

Под благословенными «Багдадскими небесами» семья лесничего, в которой родился Володя, жила небогато, что вовсе не значит – несчастливо. Особенно для Володи, долгожданного сына, обожаемого всей семьёй.

Володя был дружен с младшей сестрой Олей. Для неё Володя устраивал первые свои концерты – залезал в огромный глиняный кувшин для вина, вкопанный в землю, и обращался оттуда к Оле:

- Отойди подальше, послушай, хорошо ли звучит мой голос?

Голос звучал хорошо, гулко: «Был суров король дон Педро…»

Натренированный с детства, этот голос со временем приобретёт такую мощь, и такой глубокий бархатный тон, что позволит юному поэту заявить, что он «сошьёт себе штаны из бархата своего голоса», а позже – этим голосом Маяковский будет останавливать поезда. Был такой случай в Ростове. Возвращаясь с гастролей, Маяковский опоздал на вокзал. Поезд уже тронулся, тогда Маяковский протрубил: «Остановите!», перекрыв грохот и лязг состава. Поезд остановили.

Володя быстро рос. Летом лазил по горам, отправлялся в путешествия, ездил верхом, помогал соседям собирать виноград, обожал читать, придумывать игры, рисовал.

Пришла пора – мальчика отдали в гимназию. О Володе-гимназисте вспоминают по-разному. Одни говорят, что был он серьёзен, сосредоточен, даже скрытен, другие – что любил не то, чтобы дерзить, а тихо озоровать

.Учитель закона Божьего как-то жаловался в учительской:

- Что за странный мальчик этот Маяковский.

- А что случилось? Напроказничал?

- Нет, шалить-то он не шалит, но удивляет меня своими ответами и вопросами. Когда я спросил: «Хорошо ли было для Адама, когда Бог после его грехопадения проклял его и сказал: «В поте лица своего будешь ты есть хлеб свой?» - Маяковский ответил: «Очень хорошо. В раю Адам ничего не делал, а теперь будет работать и есть. Каждый должен работать». Потом задал мне вопрос: «Скажите, батюшка, если змея после проклятия начала ползать на животе, то как она ходила до проклятия?» Все дети засмеялись, а я не знал, что ответить.

Эта страсть к неудобным вопросам, страсть к полемике, парадоксам, острым быстрым ответам сохранилась в нём до конца жизни. Да, его творчество, особенно после 1917 года, неотделимо от политики, но его революционный порыв подхватили Арагон и Хикмет, Неруда и Незвал, Тувим и Броневский… Поэзия же его, как заметил Михаил Осоргин, «для избранных: для чуждых политике любителей искусства и для чуждых искусству любителей политики».

Словом, не повторяйте сплетен о Маяковском, лучше попробуйте читать его стихи.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь